

Иван Полоник

ДИКИЙ МЕД

Окончание рассказа «Птичка певчая»

Иван Полоник
Дикий мед. Окончание
рассказа «Птичка певчая»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69245107

SelfPub; 2023

Аннотация

Окончание рассказа "Птичка певчая" о трагической судьбе простой русской девушки из глубинки, с которой жизнь поступила крайне жестоко...

Иван Полоник

Дикий мед. Окончание рассказа "Птичка певчая"

Закончился сентябрь. Прошелестел листвою тихий листопад. Пролетело нежной паутинкой, под яркими солнечными лучами, которые уже не давали прежнего летнего тепла, бабье лето. Недаром эти недели в году называют бабьими. Ну, какое тепло от пожилого человека? Так, только блеск, в глазах, бывшее и думы... А вот к советам пожилых людей, можно иногда и прислушаться...

Наступила слякоть. Частые осенние дожди монотонно стали стучать по крышам почерневших изб. Замерла к зиме небольшая деревня с названием Чернушка, которая стояла вдоль речушки Вонил. В деревне насчитывалось около полусотни домов, а на её середине стояла, как и у большинства таёжных деревень, такая же, как и дома жителей, почерневшая от времени церковь.

Жили в деревне в основном пенсионеры и те семьи, которые могли как-то прокормить своих детей и жён. Но, иногда наезжали в деревню из разных мест «цивилизации» охотники, рыбаки. Среди всех этих приезжих был и пчеловод Сашка Гвоздёв. Так и теплилась в деревне жизнь, как у вдов, кто захочет – приласкает, но в большинстве выпадает им обида.

Такова вдовья судьба... Такова, или ещё хуже, судьба русских деревень сегодня.

Правда, молодой парень Сашка Гвоздѣв, останавливался не в самой деревне, а на хуторе Комарово, километров в четырёх-пяти от Чернушки. Там он содержал свою пасеку. Таких хуторов при Советской власти, в каждом районе, были десятки, а в стране, десятки тысяч. Их пристѣгивали к центральным усадьбам более крупных колхозов как отделения или бригады, так и жили люди в тайге, куда изредка наезжало районное и колхозное начальство. Приезжая, оно смотрело на всё, разводило руками, обещало многое и уезжало до следующего приезда. Жители таких хуторов привыкли ко всему, к тяжелой крестьянско-отшельнической жизни, работе и к приезжающему начальству. И казалось им, пусть от этого начальства пользы было им мало, но и без него, как без хорошего анекдота, было бы скучновато в этих местах.

Они знали главное, работать нужно для себя. Потому держали на своих подворьях коров, свиней, кур и прочую домашнюю живность. Занимались промыслом в тайге, рыбачили по таёжным рекам. Были и лошади в подсобном общем деревенском хозяйстве, для почты, или как "скорая помощь". На угодьях таких хуторов, крупные колхозы заготавливали сено, при помощи районной элиты, которую райкомы партии посылали в некоторые дни поры сенокоса, заготовленное сено свозили на центральные усадьбы к животноводческим фермам по осени или зимою. А иногда, брали над та-

кими хуторами шефство разные районные организации, помогали кое-чем тамошнему населению. Только вот, хлеб на таких полях давно не сеяли хлеба. Забыли крестьяне шум тракторов, комбайнов... Знойные трудовые дни в деревнях. А вместе с этим и запах хлеба, спечённого в домашней печи. О которой, стонет Остерман по телевидению. Тоскует как сыч при совках о деревнях... Эх!.. Времена...

Дети, выросшие на таких хуторах, учились в районных школах, жили в пришкольных интернатах. Сами хуторяне, жили спокойно и кроме повседневной работы и всяких сельских забот, ставили в своих домах на печах брагу, домашнее пиво, а изредка гнали самогонку. Закусить, пока, было чем. Правда, вот деньги водились нечасто. На трудодень платили сколько, только чтобы хуторяне не забыли, какие они есть эти деньги в государстве. В обучении их детей помогали область, район и школа.

А когда прошумели девяностые годы двадцатого века, вся государственная система таких переплетений, а может быть преступлений, рухнула. Никто не вникал из правительства в их жизнь. Люди стали разъезжаться, кто куда как испуганные птицы с деревьев после выстрела. Так и опустели тысячи таких хуторов и деревень по России. Остались только пустующие строения, вид которых наводит на человека тоску.

В морозные и снежные зимы, по заброшенным подворьям и деревенским улицам бегали зайцы, лисы. Иногда проходили волки, осторожно принохиваясь к бывшим жилищам

людей и хозяйственным постройкам, где ещё не выветрился полностью крепкий устоявшийся запах домашних животных. В тех хуторах, где ещё теплилась кое-как жизнь, по вечерам, в какой-либо избе, собирались местные мужики и курили до потемнения в глазах самосад, который они садили и готовили к курению, в связи с подорожанием курева в магазинах центра, обсуждая разные события в мире и фильтровали разные постановления современного правительства в стране. Зачастую сравнивали жизнь при Советском Союзе и современную, но всё было так закручено властью, что и итог нельзя было подвести. Одно было ясно, как и при «Совках», им предлагают только хорошее будущее, чем-то схожее на загробную жизнь. Так и сегодня обещают. Словом – страна обещаний. Страна будущего! Никогда правительство не скажало, – ... Вот, – возьмите... Только дай... Впереди пути, как они выражались, было не видно ни зги, как в накуренной ими избе, за что их ругали хозяйки дома.

Главное мужиков беспокоило то, что будет, если зарубежье откажет, по какой-либо причине, поставлять нам сельхоз продукты? Что делать будем? Чем кормиться будет народ? Вновь разрабатывать придётся поля, заросшие березняком и американским борщевиком? Наверно к НЭПу сворачивать нужно. Опять же, чем разрабатывать? Лошадёнок нет, тракторов тоже, разворовала всё колхозная и районная «элита» на металлолом. А семена на посевную где возьмёшь? Но кроме всего, нужно ещё полгода ждать урожая, сколько время

нужно для этого?.. Но, как ещё и уродит землячка? Конечно, земля отдохнула за период десятилетий, и ждёт своего исконного хозяина, как здоровая физически женщина крепкого мужика. Твою мать!.. Это Россия,.. которая продавала всегда свой хлеб за рубежом... Конечно, и сейчас продаёт... Правительство хвалит урожаи в последние годы, но цены на муку и мучные изделия постепенно повышаются в России. А из чего пекут? Такую муку ранее хозяин не повёз бы домой даже на корма скотине. Господи! Но кинься к беде, то куда всё на хрен и денется. Было же при совках,.. голод сделали искусственно... Мастера...Как говорила когда-то жена Сталина, – ...для этого, чтобы оставить такую страну как Россия без хлеба, ума много не нужно. Эх!...

Так наговорившись и накурившись досыта, они расходились по своим избам, по тёмным улицам, на которых, по указанию власти сельского поселения, было обрезано электрическое освещение улицы. Вокруг гуляла тьма... Гуляла она и в душах неграмотных крестьян. Ни медпункта, ни школы, ни клуба... Церковь и та пустовала, хотя оставшиеся в деревне мужики подремонтировали её немного, словно пугаясь старых грехов своих уже умерших родителей, которые когда-то и разорили её. Эх!.. Особенно пугались, ночного крика сычей... Русь бескрайня!.. Русь страшная своими бунтами... Говорил когда-то великий писатель.

Интересно, но даже некоторые киноартисты и режиссёры сегодня это заметили. Надысь, показывали по телевидению

ру, как один из столичных режиссёров приехал на один из опустевших хуторов России и пытался выяснить у сотрудника районного АТС, звоня по путинскому телефону, которые по его указу поставили на сегодня в каждой деревне, – ... а куда же люди подевались из опустевших изб? – спросил он. Наверно приехал посмотреть место съёмок, для своего очередного кинофильма-пасквиля на советскую власть. А тут,.. вдруг,.. на тебе, людей нет в таких местах и хуторов не стало при современной власти... Дома-то хиреют без хозяев, разваливаются. А телефон стоит среди пустых жилых домов, аля своей краской, словно алый флаг при совках у бывших сельсоветов.

Что ему ответили – неизвестно. Не сказали в телекамеру. Возможно, послали его на другой хутор,.. посчитали его за ....., мол, ты что, не знаешь, что хутора Неелово давно уже нет и в помине?.. Вот, повесил он трубку на рычаг, как-то ещё уцелевшего таксофона, в этом пустынном месте и призадумался у своего дорогого японского внедорожника марки – "Колхозамяма". Так, прикидывая перед камерой из себя плакальщика и поборника за исчезающими деревнями, хуторами по российским просторам и уехал к себе на «троекуровскую» свою усадьбу, где есть и пилорама и лес под рубку и дома и "приписные" крестьяне... Всё это является его собственностью. Конечно, он родименький не знал и ему никто не подсказал, что, по этому щекотливому вопросу, нужно звонить в Москву. Наверно не грамотным был... Однако,

стоит же у идеологической власти... И Героя Труда получил сегодня. Так и сидит дома, крутит свои «бесогоны»... Такое возможно только в России.

По такой причине, на заброшенных крестьянами хуторах, пахотная земля быстро зарастает побегами берёз, сосен и елей. Но более интенсивно от всех деревьев разрастается борщевик, завезённый сюда коммунистами из-за рубежа. Вот какую память они оставили после себя будущим поколениям крестьян, ни вырубить, ни уничтожить. Что стоило спихнуть, сорвать всё, что символизировало правление коммуняков? А вот борщевик... в память народу России подаренный ими на века, задача для всех будущих поколений. Напрасно, напрасно сегодня правительство снизу и доверху не уделяет этому растению должного внимания...напрасно. В будущем времени борщевик раскинет свои корни не только по деревенским угольям, но и в города залезет. Дышать нечем будет – аллергия... Будет хуже НАТО... В августовские дни стоит он дубами, выше роста человека, с большими зонтами на стволах. Одним словом – зонтичное растение... Не стало человека в этих местах, не стало и полей, где подкармливались; боровая дичь, лоси, медведи, кабаны, на овсах и картофельных полях. Ушел человек, ушла и большая часть живности тайги. Да и как им жить, везде страшные пожары. Иными словами, произошло перераспределение природных кормовых баз согласно основному ЗАКОНУ ЖИЗНИ. Оно ведь как? В России – коллективизации, индустриа-

лизации, электрификации, химизации, инновации, модернизации... А что дальше будет?... Целый круговорот, спираль, – а воз и ныне там... Да что там Россия... На всей планете идёт кровавый передел территорий, того и гляди, Третья мировая война грянет.

Вот такой бесхозный бывший хутор и облюбовал для пчеловодства Сашка Гвоздёв. Завёз пчел, мастерил улья, делал и бортни, разводил пчел и имел неплохой доход. Оно так и есть, когда человеку не мешает правительство и не указывает ему, как нужно хозяйничать, а особенно, не грабит его, то и жизнь движется. Нет же, плановость... До планировали... До грабили... А как же, с чего больше эти трутни будут жить? Вот и дожились...

Сашка, наведывался из пасеки в деревню Чернушку в основном за продуктами питания в магазин, а также, немного подрабатывал из-за уважения к людям деревни, подвозил им на своей худенькой технике выписанный пенсионерам лес на дрова. Всё же, основная его работа заключалась в пасеке. Основные деньги зарабатывал по уходу за пчелами. Жители деревни уважали его, за хороший нрав и отзывчивость. Чаше он бывал в деревне зимою, когда его пчелы, как он говорил, – спали. А всё лето трудился до пота на пасеке. Ясное дело, русский мужик он трудяга... жаль таких всё меньше и меньше в России. Вынуло правительство что-то из души мужика, как говорят, – вместе с водами выплеснули и новорождённого. А может и нужно кое-кого выплёскивать, а то рожда-

ются разные там трансгендеры. Господи! Слово – то какое? Да что там говорить, работы нет, а если и есть то, не платят, а за что купишь трактор, косилку, и всё остальное?.. Вот и хозяйствуй... НЭП в сельском хозяйстве необходимый. Обратиться в банк... бояться... Там полный беспредел... Воровать?.. Нет...

В деревне, клуб и церковь не работали, все жители проводили вечернее время у телевизоров. В тёплое время года, местные и в масштабе государства узнанные новости, обсуждали на пяточке у частного магазина Любки Макиной, где неизменно, почти в любую погоду, под накрытием бывшей автобусной остановки, с которой ещё не содрали полностью металлическую крышу, сидел старик дед Иван. Лет ему было уже за девяносто, а то может и за сотню. Хотя выглядел и древним, но было в нем что-то молодцеватое для его годов. В росте высокий, мослоковатый, выправка – ещё куда тебе?!... Глаза дерзкие, карие. На голове шапкой росли седые с про чернью густые волосы без единой залысины, и такая же была коротко подстриженная борода, только черные брови не имели седого окраса. И ходил он и летом и зимою, почти всё время, без головного убора. Что-то было в нём цыганское. Все звали его почтенно – Иван Михеевич. Одежда на нём была завсегда чистая, знать следил за собою, или может быть тайно, ухаживала за ним какая-то сердобольная старушка, а может и бывшая когда-то его дролечка.

Был он уроженец и почти постоянный житель деревни

Чернушки, если не считать его ранее годовые отлучки из деревни. Пропадал внезапно и так же неожиданно появлялся. Его, словно магнитом, тянуло что-то в эту заброшенную и, казалось, забытую Богом деревушку.

Каждый из старожиллов помнит его неотъемлемо от своей жизни, как куранты на московской башне.

Поговаривали о нём, разное... Одни говорили, что он де, после революции, перед войною, водил где-то в лесах и по дорогам банду, и золота у него закопанного в лесу уйма и сейчас. Другие, доказывали, что он угодил когда-то в тюрьму, за то, что увёл жену у какого-то НКВДэшника... Потом сбежал из места заключения на фронт. Только сельский совет знал, сколько имелось у него наград за войну, а явно он не носил их. Разные слухи ходили о нём. Только старожилы знали точно одно, баб и девок, в зрелые годы, он любил страх. И они его тоже. Наверно понимал он в их толк, как цыган в кобылах... А по его редким словам, когда он иногда проговаривал их сам, чуть подвыпивши, можно было сделать умозаключение – умел он в молодые годы делать из баб вытяжки, а из девок – сыромятину. С того времени, наверно много корней с его кровью протянулось по Чернушке, и близлежащих деревенькам, а может и по белому свету. Да и как могли девки и женщины пропустить мимо себя такой редкостный экземпляр в те годы, когда он был моложе? Подобно тому, как будто они проходят мимо прилавка с галантереей, руки так и тянутся пощупать, проверить, прикинуть...

Никто не знает толком сегодня о том, кто из жителей только Чернушки, может оказаться ему сыном или дочерью, внуком или внучкой, сам он был молчун в этом вопросе. За то наверно и любили его девки и бабы в молодости. За красоту, силу мужскую и молчание. Говорить он много не любил, только в беседе произносил, – "гм", .. "да", .. и "нет" ... А когда остарел, прекратил свои внезапные отлучки из деревни и стал посиживать днями у магазина на остановке, не пошел в дом престарелых.

И боже сохрани, что бы принял он от жалостливых баб или девок, какое-то подавание. Только благодарил их за то, и учтиво, своей огромною ладонью, осторожно отталкивал подающее ему. Никогда не пил на халяву, хотя почти и не употреблял вовсе спиртного, а когда местные мужики распивали водку присел рядом с ним на остановке. Он только произносил своим трубным голосом, – ... вредно для мужиков сиё зельё... Баб любить вам ещё надоть...

Загадкой было ещё одно. Поговаривают местные сегодняшние девки и бабы о том, что когда пройдет мимо него какая ни- будь красивая молодая бабёнка, или зрелая девка, он,.. как прогладит своими глазищами по ней с головы до пят, то женщина, или девка, отойдя от него метров на десять, почувствует себя легко, легко, как очищенная от всех грехов после церковного причастия... Ну, это уже наверно бабьи выдумки. Хотя,.. бабы, они чувствуют всё заранее... Конечно, невзирая на его древний возраст, вся женская часть

деревни имела к нему простой женский интерес и уважение, вместе с этим, любопытно разглядывая из-под бровей этого последнего из могиканина из качественного племени мужчин. И где-то глубоко, в их грешных душах, зрел простой вопрос, – за что же его любили раньше так женщины и девки?.. Хотя, известно, за что могут до самозабвения любить женщины мужской пол, так обусловлено ЗАКОНОМ ЖИЗНИ от его начала, так будет и до Пришествия... Как говорят, – ... жизнь – как есть.

Всяко поговаривают. Как говорила когда-то Л. Гурченко, царство ей небесное – дерёвня!.. Но с женщинами был молчалив и никогда им не грубил. Относился к ним, тоже с большим почтением, как и они к нему.

Так и поживали люди в этой деревни, ни шатко, ни валко, – кто как?.. Притупились в жителях все инстинкты, когда-то привитые царями, коммуняками, остался один – инстинкт выживания, и очень редко раздастся иногда крик новорожденного ребёнка в этом захолустном месте, всё же бывает... Природа... Ночи длинные и тёмные... К тому же, часто отключают электричество в деревне, а бабы и девки никак не упустят такого внезапного выходного.

*****

Бабушка Катя, бывшая учительница местной школы, Екатерина Ивановна Строгова, встретила Клаву в своём доме приветливо. Дома, за чаем, всё глядела на внучку, не сводя с такой красоты глаз, всё спрашивала, – а как то? Как другое?..

Узнавала она красоту женскую Строговых, которая передавалась из поколения в поколения женщинам. Подружились они с первого дня. Клава стала для бабушки незаменимой во всём и в делах домашних и в беседах. Наезжала несколько раз к ним и тётя Оля, дочь бабушки. В разговорах, прошлое не ворошили. К чему? Прошлого не воротишь, а теперешнее – нужно беречь. Хотя, наверно, Тётя Оля всё-таки шепнула бабушке что-то о событиях в Ваймаса, по поводу Клавиных приключений. Ну,.. да бог с ней!.. Ей тоже нужно было излить свой испуг за то время, когда Клава размахивала пистолетом у горбатого носа дяди Ибрагима в её доме. А кому, кроме матери, это можно рассказать?

За несколько месяцев жизни в деревне Чернушке, Клава похорошела ещё больше, то ли от того, что женщиной стала, то ли от спокойной жизни. Нет, не раздобрела она, как большинство женщин в замужестве, просто, в её глазах можно было уловить теплоту женщины, и горели они спокойствием, добротой, а во всей её фигуре стёрлась подростковая угловатость. Словом – была в самом соку. Многие местные мужики, проходя мимо неё на улице, после встрече с приветствием, оборачивались и подолгу глядели ей вслед, потом, сдвинув головной убор на глаза, чесали затылки, и покряхтывая уходили по своим делам.

Даже дед, Иван Михеевич, однажды спросил у молодых парней, которые вертелись у магазина соображая на "мерзавчик," – ... откуда такая красота появилась в их деревни?

Те ответили ему, чья она, а потом, смеясь, наверно зная ранешний уклон деда по жизни, предложили, – ...а что Михеевич, засылай сватов... Он посмотрел на них, по-разбойничьи сверкнул глазами, только что не засвистал, а вот всё-таки гикнул, но наверно не так, как в молодости зычно, – гм-м!.. И только. По всему видимо, узнал он в ней кое-кого и мысли зашевелились разные у него в седой голове, но он умел молчать.

Природа... От неё никуда не денешься, как и каждый человек, на склоне лет, от своих грехов, проделанных за свою жизнь. Таков основной ЗАКОН ЖИЗНИ на Земле. Он, иногда, правит большими массами людей, даже супротив их желаний. Вот и родилась наверно когда-то пословица в миру, – ...против закона, не попрёшь... Только бы добавить было к этим словам ещё одно слово – ОСНОВНОГО ЗАКОНА ЖИЗНИ, а не бумажного, человеческого. А может, и было такое слово, при пословице, да потерялось, стёрлось... У нас ведь как? Много "стиралок" в широких штанах на резиновых подтяжках... Способные выполнить заказ... Как говорилось, – ... мы реки вспять повернём... Не дай-то Бог!... Они и так, эти реки, сегодня бедокурят... Да и не только реки, вся природа мирская словно взбесилась, а люди,.. люди и те пуще. Словно соревнуясь, – кто –кого?

Всё же все человеческие законы, попирали люди не раз, в разные тысячелетия, а вот ОСНОВНОЙ ЗАКОН ЖИЗНИ – нет. Попробуй, попри зиму или землетрясение. Нет. Ума и

силы таковых не дала человеку природа, а то он такого наворочал бы... Хуже вулкана. И так уже достаточно его проделок. Земля и та гудит иногда почему-то. Но человек, он такой, послушает со страхом это гудение и скрежет и продолжает всякую пакость творить на ней, как и раньше.

Вот в таких условиях современной жизни, бывшие деревни перешли в разряд хуторов, а дальше куда? Неизвестно... Правда, они-то не гудят... Но, есть такое слово, страшно произнести – к вымиранию... Ишь.., какое слово, больше подходит для людей... Да оно и не диво, в таких деревнях и хуторах люди живут,.. только кое-кому наверно не ясно...

По приезду в Чернушку, когда пал на землю снег, в один из зимних вечеров, Клава попросила бабушку рассказать ей о её родителях, так как тётю Олю она просила ранее, но та не успела, или не рассказала почему-то умышленно об этом ей.

Бабушка Катя, немного помолчала, словно размышляя над чем-то, потом поднялась со стула, подошла к ней, где она сидела на старинном сундуке, погладила нежно её по голове, как когда-то в детстве и попросила, – ну-ка, освободи мне внученька крышку сундука... Когда Клава пересела на стул к столу, бабушка открыла массивную крышку домашнего схрона и достала небольшой узел из белого платка. Опустила крышку, присела на сундук, после чего позвала её, – иди Клавушка, садись рядом. Степенно развернула узел, достала старинные и почти современные семейные фотографии разных годов.

По поводу её появления на свет божий, бабушка сообщила следующее: родилась её мама, Мария Борисовна Рочева, а в девичестве Маша Строгова в деревне Чернушке, выросла, красавица несказанная была из себя, как и ты. После, как подросла, вышла замуж за парня из посёлка Ваймаса – Павла Рочева. Павел тоже был видный из себя, как говорят – не из последних парней... Красивая пара была... Получили они квартиру в Ваймаса, пол-щиткового дома для лесников. Маша работала точковщицей на верхнем складе, значит в лесу, там, где заготавливали лес бригады мужиков.

Одним словом, замеряла дневную кубатуру древесины, заготовленной бригадами за время рабочего дня. Муж, тоже работал в лесу... Вот они, – и бабушка показала ей старую, чуть пожелтевшую от времени фотографию. С фотографии смотрела на неё молодая пара в бедненьком подвенечном наряде. Клава сразу узнала свою маму, так как, умерла она при ней, и она запомнила её, а вот лицо мужчины, стоящего с ней, видела впервые. И сегодня, разглядывая маму на фотографии, поняла то, что она, Клава, есть копия мамы. Разве что в ней добавилось со стороны, ещё что-то диковатое, цыганское. Бесшабашно весёлое и одновременно отчаянное и дерзкое. Конечно, в данную минуту, пока она не знала, что и вправду у неё есть в жилах цыганская кровь.

Бабушка продолжила свой рассказ, – прожили они больше четырёх лет, как муж и жена, только детей не давал им Бог. Потом, муж её Павел, уехал на заработки, где-то в южную

часть России. Спустя четыре месяца возвратился. Но Маша, жена его, а твоя мать, была уже беременная тобою. Как всё произошло, никто не знал, но всё же нашелся кто-то из людей, что рассказал всё Павлу. Да тут и рассказывать нечего,.. факт налицо – мужа нет дома четыре месяца, а жена понесла.. Вот только встал перед Павлом вопрос – кто подсобил ему обрюхатить его жену? Конечно, доброжелатели нашлись и в этом вопросе...

Он ничего не спрашивал у жены, а однажды, немного подвыпил, и пошел в общежитие сезонных рабочих, в котором жили разной национальности мужики и парни. Там, встретился с указанным кем-то ему молдаванином, по фамилии Боксанов, звать – Георгием. Значить,.. пошли они "говорить" за общежитие... Так и нашли, только на утро, мёртвого мужа Маши, Павла Рочева, истёкшего кровью от удара ножом в живот. Подлый был удар и от ножа и от жены его Маши, моей дочери, а твоей мамы... И бабушка тяжело вздохнула, крестясь, продолжила, – может от такого греха, и она пожила на белом свете недолго... Тут она замолчала ненадолго, вытерла кончиком белого головного платка свои глаза и спустя минуту продолжила, – ... после следствия, того молдаванина, Георгия, осудили на девять лет. А как родилась ты, то твоя мама дала тебе фамилию – Боксанова и отчество, Георгиевна... Я, когда-то давно, спросила у неё, – зачем так сделала? На что получила короткий ответ, – как есть, так и записала дочь... И ни кто не знал, любила ли Маша этого мол-

давания, или просто поимела связь, что бы родить себе ребёнка, так как от её мужа, Павла, четыре года детей не было. Позже, она стала сильно болеть, этим,.. как его? Раком... И померла уже при тебе. Тогда и взяла тебя на воспитание твоя родная тётя Оля, а моя старшая дочь. Вот как всё было...

В доме повисла тишина, только слышно было тиканье часов на стене, да где-то в тёмном углу дома у печи слышно было песню сверчка, исконного хозяина почти всех рублёных жилищ человека.

Когда бабушка закончила повествование, Клава спросила её, – так я что, на половину русская, на половину молдаванка? Выходит так, – почему-то с горестью, произнесла та ей в ответ...

После молчания добавила, – приходил он, молдаванин, как освободился из лагеря, но твоя мать не стала даже разговаривать с ним. И упротил он меня, что бы я показала ему его дочь, тебя Клавушка. Высмотрел он тебя, когда я вела тебя из школы... Подарки дал мне заранее, чтобы ты не проговорила при матери... Больше я его не видела.

Вот и весь сказ внученька, – степенно произнесла бабушка. Давай спать будем ложиться, и она привсталала из сундука, вновь положила в него узел с фотографиями и разными бумагами, закрыла на нём крышку, потом шагнула к углу, где висели иконы, несколько раз перекрестилась, прошептала, – ...побеспокоили мы с тобою всех их,.. мёртвых, перед сном... Спице,.. земля вам пухом! И вновь наложила крест

на своё немного морщинистое лицо, которое по всему видимое было очень красивое в далёкой молодости, как и у всех женщин рода Строговых.

Долго не спала Клава в ту ночь, много перевернулось разных мыслей в её голове от рассказа ей бабушкой. Но думай или не думай, а жизнь требует действий на сегодняшний день.

*****

Зима вступала в свои права. Деревня Чернушка покрылась первым белым снегом, словно белыми стерильными бинтами перетянула свои раны, нанесённые ей за много лет законами человека. В отличие от осени, выглядела она теперь невестой в белоснежной фате. Одно только, хозяина на сегодня у неё не было. Так сказать,.. жениха, мужа. Всё, через пень – колоду... Не засылало сегодняшнее правительство к ней сватов из Московии. Бедными невестами стали сегодняшние деревни для богатых москвитян. А если правду сказать, то на много веков назад русские деревни всегда были нищими, нелюбимыми для правительства прошлого Руси. Их только насиловали. И получали взамен, жестокие бунты, восстания. Вот и сегодня, приедут, потопчутся по лесам и по полям, только простонут нивы и леса от их осенней охотничьей забавы, да девки понесут обильно в этот период, и уедут, сожалея о том, что урвать и приватизировать нет чего. Ну, да Бог с ними... Не трогали бы только людей, не собирали бы мзду для князей-чужеземцев,.. как было при Золотой

Орде...

Ещё в начале наступившей зимы, бабушка Катя, заказала Гвоздёву Сашке привезти дров, для отопления своего дома на следующую зиму. Красивый из себя мужской красотой и весёлый балагур был по характеру Сашка. Знал всё о пчелиных семьях, вот только свою личную семью, никак не мог завести. И по годам было пора, отслужил давно службу в ВДВ и в эту зиму, в которую приехала Клава в деревню, шел ему двадцать седьмой годок.

Пора,.. пора!.. – нашептывали ему на ушко свахи и невест предлагали,.. с выбором. Нет! – отвечал он, смеясь свахам,– нет ещё у меня улья готового для семьи... Ждал он свою – единственную, как сегодня говорят – суженную, не уширенную. Вот только не знал, откуда её ждать? Где он её встретит?

Были в его хозяйстве трактор и тележка на резиновом ходу, пчёл вывозил на ней, в раннюю весну, на не заросшие кое-где лесом колхозные поля, которые были сплошь покрытые высоким разнотравьем, усеянные голубыми колокольчиками, багульником, пижмой, иван-чаем, зверобоем и другими цветами. Хотя основа пасеки находилась у самого его дома.

А главное, по закрайку леса, который окружал хутор Комарово, где он обосновался, росло множество лип. Мёд липовый был всегда отменный с его пасеки. Многие люди с округности ехали в Комарово за мёдом. Так и называли его – гвоздёвский мёд. Жил он почти всё время на пасеке, ра-

боты хватало. К тому же, кроме ульев, были у него и колоды, закреплённые на липах. Сбор из них он называл – диким мёдом, сотовый, природный. Брали его приезжие люди на лекарства больным, или просто детям, а то баловались и взрослые.

Бабы, которые моложе, по горячее, кормили им и своих мужей, потому что было такое поверье, – дикий мёд, придаёт мужикам огромную мужскую силу. А какая из молодых женщин против?.. Эх! Ничего не пожалеют они для этого... Что только и не выдумают женщины, надеясь на лучшее всю свою жизнь?.. Пусть денег нет, зато усладу от мужиков никто не отымет, никакие кризисы не возьмут. Так с надеждой и умирают, потому, как говорят, – ... надежда умирает последней... А ещё, есть пословица, -...кому что, а курице пшено...

Имелся в его хозяйстве и новый УАЗик, для поездок по неотложным делам. Словом, славный парень... Да вот беда – не давался он девкам в руки. Были на него нашествия и тайные, и явные; разные «грибницы» и «дачницы», студентки, просто отдыхающие женщины, которые того, случайно заблудились и вышли на его пасеку. Вот только неизвестно, в лесу они заблудились или по своей жизни? Часто устремлялись тайком и явно они к нему на пасеку. Нет!.. Угостит таких "блудниц" Сашка диким мёдом и,.. покажет им дорогу в Чернушку. Всё этим и заканчивалось.

Вот привёз он в один день, уже по снегу, дрова Екатерине Ивановне и зашел в дом, чтобы спросить, – куда вываливать

их и замер у порога...

Клава, как раз занималась стряпнёй у русской печи... Такая домашняя, подвязанная белоснежной косынкой голова... Раскрасневшаяся лицом и кончик носика был немного в муке... В платье, стройная, как берёзка в лесу. Взглянул он на неё и замер. Обжег он своим взглядом Клаву, которая посмотрела на него и почувствовала под своим сердцем какую-то сладость и приятное томление. Сашка отошел немного душою, которая крикнула ему, наконец, – твоя!.. Твоя жена Сашка! Лишь бы только не замужня... И говорит бабушке, – что же ты, Ивановна, прячешь от меня такую красоту?!.. А я,.. всё хожу сколько времени, ищу себе жену...

С того часа и завязался между Сашкой и Клавой узелочек. Да так крепко, что к весне, казалось, было уже никому его не развязать, разве что разрубить, как Гордиев узел.

Влюбилась Клава в него, впервые в своей жизни, по-девичьи, хотя уже была женщиной. Бросилась,.. как в омут. Как говорят, – ...дело забывчивое, а тело заплывчивое... Да и если рассмотреть её прежнюю любовь, – была ли она у неё до Сашки? Так, только бабой стала по своей глупости и по чужой вине... Да побои телесные... Но, как говорят, – за всё когда-то придётся платить, а иногда и сторицей...

Только чем дальше по времени была их дружба, тем больше она боялась за свою любовь. А вдруг опять "утопленник" всплывёт? И по паспорту она была беглянкой, к тому же, не в разводе... А если отыщет её муж?.. Словно что-то пред-

чувствуя, вешуя недоброе, ворочалось в груди её сердце в такие минуты раздумья... Тяжело было у неё на душе, но без Сашки, как ей казалось, она уже жить не могла. Часто стал навещать их дом Сашка, протоптал значить стёжку-дорожку к её калитке и заодно к Клавиному сердцу. Дело молодое... Опять же, как говорят люди – супротив ОСНОВНОГО ЗАКОНА не попрёшь.

*****

Наступила весна. Отскрежетала, отшептала днём и ночью ледоходом речушка Вонил, разлила свои быстрые паводковые мутные воды по оврагам, лугам и успокоилась. Приняла на свои плёса прилётную водоплавающую живность с жарких краёв. И стали часто раздаваться в зарослях рогоза и густой травы, в тихих заливах, на болотинах, призывные голоса уток-матёрок, а далеко, на клюквенных болотах, слышался иногда трубящий голос прилетевших журавлей. Закричали в лесу и в деревне своими переливчатыми голосами иволги. Далёким воркованием и чуфыканием, по рассветам, отозвались на лесных полянах тетерева, словно оповещая всё живое о начале зарождении новой жизни. Кинули по розовым веткам тальника пушистой бело-желтой россыпью свои почки. В таком весеннем наряде трепетало всё живое, радело весне.

Как бы ни был занятый, и уставший Сашка от своей работы на пасеке, а к вечеру непременно приезжал к берегу разлившейся речушки Вонил на УАЗе. У берега накачивал

резиновую лодку и перевозил на ней Клаву на свою сторону, брал её на руки, нёс в заросли цветущего буйно черёмушника, целовал там её щёки, губы и ещё кое – что, до умопомрачения, шептал ей нежные слова. Клавка, млела в его руках от его любовной страсти и запаха черёмухи, смешанного с первоцветом трав, но дальше – ни-ни. Хотя Сашка и не охальничал... Пусть он и не знал ещё женщин до неё, но... Просто,.. он не переступал порог Гоморры. Полюбил он её до умопомрачения... Наступила его пора, которая приходит к каждому человеку на Земле, вот только кто и как её встретит, а главное – где и с чем? Пора любви...

А когда спала паводковая вода и речушка стала в берега, они встречались вечерами на восстановленном деревенскими мужиками вместе с Сашкой мостике на реке, для хозяйственных нужд, который выдерживал лёгкий транспорт, повозки с сеном, дровами, а так же легковые машины и долго беседовали меж собою.

Цветущая в весеннюю пору Клава, была как молодая берёзка с молочно-белым стволом, в своём белом платье. Вот только судьба у неё не складывалась, и конечно, всё что произошло до этого в основном не только по её вине. Хотя...?

Сколько раз приглашал её Сашка погостить у него на пасеке,.. хотя бы день – нет!.. Всегда получал отказ...

Но однажды, когда стала поспевать на мелкой траве, у крайков леса земляника, Клава сама попросила его вечером, – ...Саша, помоги мне набрать немного земляники зав-

тра для пирогов бабушке. Ты наверно хорошо знаешь все места здесь, где она растёт? За это, мы с бабушкой угостим тебя пирогами, озорно улыбаясь, попросила она.

Сашка согласился, но с условием – рано утром, а то у меня дел много днём на пасеке. На том и разошлись.

На другой день, ещё до восхода солнца, Сашка ждал Клаву у моста. Пришел он к мосту пешком, чтобы не перегонять с места на место, время от времени, машину при сборе ягод.

Клава пришла, чуть позже обещанного ею. В белом в крапинку платье и с небольшой корзинкой на руке у локтя. Поцеловал Сашка её в прохладные губы, взял за руку и пошли они к стенке леса в направлении его пасеки. Клава, не бывала у него дома и не знала дорогу туда, шла, куда он её вёл за ягодами...

К обеду, промокшие в росе выше колен, собрали они полную корзинку земляники и остановились у ручья испить воды. Тут Сашка и стал её просить, – давай зайдём ко мне в гости, пообедаем, диким мёдом угощу. Ты такого ещё не пробовала, а находились они рядом с его пасекой.

Как произнёс он последние слова, она сразу вспомнила Газиза, когда он угощал её коньяком, приговаривая почти тоже, и наотрез отказалась от Сашкиного приглашения. Тогда Сашка поднял её на руки и понёс напрямик к своему дому, на пасеку. Оставили они сиротливо корзинку с ягодами в траве, вместе с Клавиными обутками.

Она, в начале, сопротивлялась, потом, наверно, как жен-

щина, почувяла сильные его руки у себя под коленями и на талии, ощутила его сильное и жаркое тело своей не ласканной грудью, успокоилась. Обняла его своими горячими руками за крепкую шею и замерла, прижавшись к нему. Так он и нёс её почти километр на своих руках. Клава пожалела его и произнесла, – отпусти,.. чего уж, сама пойду,.. тяжело тебе. На что Сашка ответил, – своя ноша, не в тягость.

Принёс он её на руках к самому своему дому, поставил на крыльцо босую, с сырым подолом от росы и говорит, – ... вот это моё жилище, оно мне дороже, чем жильё в городе. Что там?.. Один дым... А здесь... приволье, тайга, травы, а цветов море... Целое лето стоит на полянах запах мёда.

Огляделась Клава вокруг, правда красивое место; дом стоял на взгорке, рядом небольшая баня и гараж из досок для техники. У самого дома росло около десятка столетних лип, на которых слышался непрерывный пчелиный гул. Дальше, виднелась пасека, за нею и рядом с домом рос лес. Метров в двадцати-тридцати от крыльца, протекал, ворчливо журча, ручей, между ручьём и домом, чернел скатной крышкой колодец. Правда, хорошо здесь, – подумала она, но Сашке об этом не сказала. Только посмотрела вправо, где виднелась наезженная дорога, спросила, – а эта дорога куда ведёт? Сашка, весело засмеялся и произнёс, – к сердцу твоему, Клавушка... В деревню Чернушку. И он вновь взял её на руки, перешагнув два порога, поставил её сырую и босую на пол ещё крепкого дома и говорит радостно, – вот Клавушка, звал я

тебя сюда не так, чего там. Не для баловства... Здесь, в моём доме, я сейчас угощу тебя диким мёдом... Есть его будем только с холодной водой из колодца или ручья. В том великое познание вкуса этого необычного мёда.

Я, сейчас, наложу кусочки сот с мёдом, взятым из самой сильной пчелиной семьи в блюдо, а ты возьми, вон там, на подставке ведро и вылей воду на улице, ту, что имеется в нём, тёплая она. Потом зачерпни с колодца холодной и мы пообедаем с тобою. Хорошо? – спросил он её. И посмотрел в её голубые, казалось, бездонные глаза произнёс, – у меня, Клавдия Георгиевна, сегодня день особенный. После чего он отправился за мёдом, а Клава, выйдя из дома, пошла к колодцу с ведром.

Спустя полчаса они сидели за столом и пробовали мёд в натуральных диких тёмно-желтоватых сотах. Сашка, придвинул ближе к ней свой стул, на котором сидел и принялся кормить её мёдом сам, потом, уже балуя, стал тонким слоем мазать её губы мёдом с чайной ложечки и своими поцелуями снимать его начисто с её губ, борясь с её язычком, который всё – таки схватывал мёд.

После обеда, пошли к ручью, присели у него, опустили босые ноги в проточную воду, повели разные разговоры. В этих разговорах, Сашка тут и предложил ей стать его женой.

Клава, склонила свою голову, достала рукой голубой колокольчик и подумала, – хватит! Кончилась наверно любовь? С грустью прошептала, – любовь прошла, увяли помидоры...

И с какой-то жалостью подумала,— вот чего надо было мне ждать. Мери... Потом, как там, в доме тёти Оли, в беседе с дядей Ибрагимом, отчаянно прикинула своим умом, — расскажу я ему всё. Как будет- так и будет... Всё равно узнает... Вот только вдруг чего, слава дурная пойдёт по деревне. Потом успокоила себя, — Сашка не из тех...

И рассказала она всё Сашке о себе. Всё!.. Когда закончила свою исповедь, долго оба молчали, только ворчливый ручей у их ног что-то говорил им, но не понять было его говора. Её мысли, как быстроногие кони неслись по полю, а думала только об одном, — как он поступит? Что скажет?.. Верх брала в её раздумье одна мысль,— ...как бы ни поступил — прав он будет... Только взор её туманился просившейся слезою.

О чем думал Сашка в то время, никто не узнал. Потом, он обнял её за плечи и произнёс, — ты и вправду,.. как ложку дёгтя, в бочку мёда... Помолчал он ещё немного и проговорил, — давай Клава так, ты мне — ничего не говорила, я тебя — не слышал... Прошу тебя об одном, будь преданной мне женой на всю жизнь... Не перенеси свою бывшую беду и боль на меня и на нашу будущую семью. Выбрось её в этот проточный ручей, пусть твоё горькое прошлое унесёт чистая вода от нас. Клава обняла крепко его за шею и произнесла лишь одно слово, — клянусь!..

Того же дня, ближе к вечеру, они зашли за корзинкой с ягодами и её обутками к стенке леса, после чего Сашка проводил её домой, в Чернушку. Находясь в доме у Екатерины

Ивановны, он попросил у неё руки Клавы. Бабушка взглянула на Клаву, та прошептала,— ...да бабушка. Екатерина Ивановна сняла с божницы икону, прослезилась немного и как могла, благословила их. А кому больше их благословить?

С того времени Клава, по несколько дней на неделе, находилась у Сашки на пасеке. Хозяйничали, значит вместе: меняли рамки в ульях, качали мёд, ходили к колодам за диким мёдом, где срезали доспевшие соты.. Она готовила кушать, стирала.

Лето выдалось жарким. Спали по разным углам. Она – на высокой старинной кровати, с красивыми металлическими блестящими шарами, на поперечных перекладинах, которая наверно приняла за своё существование не одну невесту с женихом и подслушала их сокровенные разговоры, он – на диване.

Клава, каждую ночь ждала его к себе, в свою постель. Пойти к нему сама, боялась... Не знала она, как лучше сделать для него? Металась,.. как белка меченая. Боялась повторить то, что получала от мужа вместе с побоями и в то же время боялась чем-то скомпрометировать себя в его глазах. Хотя, казалось бы, – ...чего уж там?.. Он и так всё уже знает. Не хотела навязываться ему... Гордыня...

Но время и труд, – как говорят,— всё перетрут... В один из жарких дней, они выбирали мёд из колод у стенки леса. В период их работы, сыпался разный мусор на них сверху и приставал к их потеющим телам.

После работы, вспотевший Сашка попросил её, – Клава, я управлюсь с мёдом, а ты истопи немного баню, смоем мусор и пот из себя. Она пошла к бане, наносила из ручья в небольшой котёл воды и в молочную флягу, для разбавки горячей, разожгла печку. Потом села в предбаннике на широкий диван и подумала, – Господи, помоги мне!.. Дай нам с ним, хотя толику семейного счастья!

Обратилась она и к Матери- Богородице, со словами, – соедини наши жизни, я буду верна ему до смерти... Спустя полтора часа, пошла к нему, в отдельную комнату – кладовку, где он занимался с мёдом, и попросила его, – ...Саша, посмотри баню, мне кажется, доспела. Он улыбнулся ей с какой-то искоркой в глазах, осторожно снял с надреза соты жужжащую пчелу срезным ножом, загадочно ответил, – ... говоришь, доспела?.. Пойдем тогда вместе и посмотрим.

Войдя в предбанник, Сашка, не заходя в парилку, разделся до нижнего белья, потом посмотрел на неё, спросил, – а ты чего не раздеваешься? Не пойдёшь мыться?.. Клава, опустила руки стояла молча. Ждала она... Ох! Как она ждала, как женщина, этого момента в их жизни. С большим трепетом ждала... Вот только боялась испугнуть своё счастье неловким движением, словом, считая себя виноватой в чем-то перед ним.

Он подошел к ней, и принялся её целовать в губы, постепенно раздел её всю. Поднял на руки и положил на диван, сам лёг рядом...

Всплеснулась долгожданная для них обоих любовь. Всплеснулась до краёв. Закружилась водоворотом, как талая вода весной, в бурной таёжной реке. Улетучились все Клавины опасения, невзгоды по жизни и зашла она в любви больше, чем когда-то опоенная... Очнулась она через некоторое время не так, как опоенная каким-то зельем и коньяком в "Ландкрузере", или битая мужем под кухонным столом, когда пришла в себя в больнице, а как ей показалось, опустошенной до дна, чистой и лёгкой.... Посмотрела на своего Сашку, жалея о многом... И крепко прижавшись к нему, принялась не спеша целовать его губы.

Сашка, как всегда, любил пошутить, спросил у неё, – может тебе дикого мёда принести, и смажешь им мои губы? Она застеснялась и по-девичьи спрятала на его широкой груди своё лицо, шепотом ответила, – нет, не нужно,.. они и без мёда сладкие. Саша-а...

После бани, вытер Сашка сам её всю полотенцем в предбаннике, после чего, завернул её в то же полотенце, взял на руки и понёс в дом. Этот день и был началом их медового месяца.

*****

В жизни разно бывает, одни проводят свой медовый месяц по зарубежью, другие ещё где-то, а вот Сашка с Клавой проводили на хуторе Комарово. Пусть, как говорят и не совсем медовый в чем-то... Но, праздновали они его – всласть... То ли от употребления дикого мёда, то ли от большой обоюдной

любви? Неизвестно. Одно ясно, шли у них медовые дни, как в любовном тумане... А сколько они продлятся, один только Бог знал...

Как-то, уже ночью, находясь в постели, Сашка спросил у неё, – а как же со штампом в паспорте твоём быть?... Тебе нужно взять с мужем развод и урегулировать нашу жизнь. Узаконить,.. что ли?

Ох! Как Клава боялась этого вопроса, хорошо зная нрав мужа своего Юрия? Не раз и не два испытывала его на своём теле, хотя понимала – нужно решать. И надеялась на своего Сашку во всём.

В заключение этой беседы Сашка подвёл итог, – вот, в сентябре, управимся мал-мал с пчелами, погрузим в машину свежего мёда, сдадим его частникам на рынке и поедем к бывшему твоему,.. решим раз и навсегда твой вопрос. Я сам побеседую с ним. Но вышло не так...

Стоял конец августа. Жили Сашка с Клавой, словно в прекрасном сне. Любили они друг друга безмерно. Свела их жизнь, а может Матерь Божья, как и просила в молитвах её Клава когда-то в бане. Значит,.. там и свела в одно. Знать не всё испоганили в душе и организме Клавы предыдущие её мужики... Понесла она, по её подсчету, где-то сразу, как стала жить с Сашкой. Призналась она ему об этом, как-то вечером в постели. После чего он не давал ей никакой тяжелой работы. Видит сам Бог, как они были рады такому событию. Клава не могла нарадоваться своей жизни. Но, нет-нет

и проползёт где-то по душе её чёрная гадина страха, за своё будущее с любимым её незаконным мужем. Считай двумужняя... Хотя сегодня девки плюют и на штампы в паспортах и на мужиков. С кем слаще, тот и муж...

Лето оказалось затяжным, В разнотравье показывались новые завязи цветов, а красивые голубые колокольчики, казалось и не собирались отцветать. Ярче стали гореть своими цветами пижма, зверобой. Дымчатой голубизной крыли поля колокольчики, смешиваясь с цветами иван-чая. Всё мле-ло под летними лучами солнца, а утром вновь цветы и листья растений, жадно впитывали в себя капельки росы и медленно раскрывали разноцветные лепестки под лучами солнца. Такое, могут замечать только влюблённые, которые радуются своему счастью и всему тому, что окружает их. Пора любви... Яркие картины запоминания для тех, кто испытал всё это.

*****

Юрий Нагибин, придя домой, а он уже знал от своей нанятой им сиделки у лежащей без сознания Клавы в больнице, о том, что её уже выписали и Клава должна быть дома. Учитывая это событие, с работы возвратился домой раньше. С какими мыслями он вошел в дом, неизвестно... Двоилось всё в его в мыслях в отношении дальнейшей жизни с Клавой, то так мыслил, то этак за то время что она находилась в больнице по его милости.

Войдя в дом, он осмотрел все комнаты. Увы!.. Нет жены, не нашел. Кинулся к сейфу, открыл его, осмотрел деньги и тут он отметил главное – нет пистолета, системы "Вальтер". Этот пистолет не был нигде зарегистрированный, когда-то, в крутые годы, был отцовским. Так и перешел он к нему в наследство после его смерти. Он присел за стол. Мысли вились в голове разные, порядка никакого... Поднялся, открыл бар, достал бутылку хорошего коньяка, доставали ему его водители дальнбойщики, которые бывали по работе на Кавказе и в рядом расположенных капстранах.

Налил почти полный бокал и как говорят в таком случае, «хряпнул» его залпом, не дегустируя на вкус, как это полагается в высших кругах современного общества. Долго крутил пустой бокал, между пальцами собираясь с мыслями. В конце концов, пришел к итоговому заключению:

Во-первых: – меня не сдала милиции за побои. Уже нормально.

Во-вторых: – если совершит суицид и её найдут, то пистолет неучтённый. Чей? Кто? Как? – неизвестно. Нужно только патроны к нему аккуратно уничтожить. Тут же, почему-то отметил про себя, – а стреляет она,.. сучка, хорошо!.. Вот только зачем ей он понадобился? А если она?... И у него прошел между лопатками холодок.

В-третьих: – деньги в сейфе в моём отсеке целые... Даже позволенных ей всех не взяла. А так,.. мизер. Какая неосмотрительность с моей стороны. Доверился... Вот тебе и доярка

из Хацапетовки! Все они такие, как говорят, – выше пояса не пускай. Он хотя и считал себя докой по бабьему вопросу, а вот главного и не знал.

Пока женщина, не найдёт себе, как они говорят, – для тела, а потом и для души мужика, то ей плевать на все деньги мира. А та, которая хочет и то, и другое одновременно захватить одной рукой, это уже не женщина, а так – мутантка...

Просидел он, почти недвижимо, на стуле ещё около часа. И чем дальше, тем больше разъедала его душу, как ржавчина, мысль, – где она? И особенно, – с кем?.. Одновременно любовь, ревность и ненависть, плясали по его самолюбивой душе.

Дело в том, что он после первой свадебной ночи, стал относиться к ней с двойным чувством: одновременно любил её до чертиков и с каждым днём всё больше и больше ненавидел, ненавидел по-звериному, за всё. И выходило, сколько он её любил, сколько и ненавидел. Парадокс! Нет, далеко не парадокс, просто он был самолюбивым, мстительным мужиком. Он ей не мог простить, как ему казалось, её обман. Может и не казалось, а так и было. Пронеслась мысль – развод, но тут же он её отбросил, даже с каким-то испугом. И его ударил в лицо вопрос, – как жить без неё? Нет! Молнией сверкнул в его голове вопрос, нужно найти её,.. найти! Сейчас, он её жесточайше ненавидел за всё. За то, что был у неё не первым мужчиной, за то, что проехала у него по ушам, за то, что красивая, но не его, за то, что хорошо поёт, за то, что

не рядом, хотя были они мужем и женой по закону, за то, что послушалась и ушла из дому.

Даже за то, что не просила ни разу у него прощения в период побоев... Кремень!.. Одним словом, такое сплетение любви и ненависти одного человека к другому, бывает редко у индивидов, чаще то или другое. Потому, оно, это сплетение, является самым страшным для таких людей. Добром не закончится. В основном был он прав, как и думал, – не горячиться. Всё придёт само собою. Главное – выдержка. Пока что и в милицию не буду подавать заявление по поводу пропажи жены. Ну, по сорились, уехала к родителям. Главное он её не убивал, если вдруг чего, а как жить им, никто не укажет... Так прошли месяцы. Не выдержал... После зимы, к концу августа поехал в Ваймас, в проклятую Хацапетовку, как думал он, когда уже проехал Сыктывкар и въехал в Ваймас. Прикинул, – ну, и дебри!.. Как в таком дерме рождаются красивые девушки?.. Наверно, как цветок женьшень, растёт в глухих таёжных местах, в сырости, тени среди разнотравья. Спрашивать, у кого-либо о жене, не стал. Проезжая улицей в самый тупиковый её конец, увидел пилораму. И как истинный предприниматель, решил, – ...зайду, посмотрю товар, может недорого и кинуть сюда свой транспорт, наверно хороший навар будет. Оставил свою машину возле базы, прошел в ворота, где работали рабочие. Спросил хозяина, те указали на небольшую избушку. Шагнул на ступени, постучал в дверь. Из-за двери послышалось приглашение. Войдя

в тесное помещение, он увидел молодого кавказца, который колдовал над какими-то документами. После приветствия, получил приглашение, присел за стол напротив, как он понял, хозяина. Завязался деловой разговор о сём- о том. Уже поднимаясь из-за стола, после беседы, подумал,— чем Черт не шутит, человек чужой, спрошу. И осторожно назвал ФИО жены, спросил, — а не подскажите ли мне, где можно увидеть её?

Человек, сидевший напротив него, как он отметил сразу, насторожился и приумолк. Это был Газиз. Подавил в себе волнение, он замкнулся.

Что-то знает о Клаве,— подумал Нагибин. После краткого разговора, он достал не полную пачку купюр по пять тысяч рублей и аккуратно похлопал ею по своей ладони, перед человеком кавказской национальности. Ключет, если знает, — подумал он.

Итог дальнейшей беседы был положительный — завтра с утра, он покажет место, где может быть Клава.

Газиз, как узнал его имя после знакомства Юрий, поставил одно условие, — меня она не должна видеть. Ну, коль так, пусть будет так,— произнёс Юрий, а сам подумал, там видно будет... Я вас всех тут распотрошу, не только скажете мне, где она, но и выложите, с кем и в каком положении она бывает, ежечасно, по минутам? После заключения устного договора, на предмет оказания помощи со стороны Газиза, указать место нахождения его жены Клавдии на сегодня, он воз-

вратился в Сыктывкар, где снял номер в гостинице до завтра. Ночь почти не спал. Мысли всплывали разные. Главной была, – что с ней делать, если разыщет её? Любовь к ней давила его как грудная жаба. Он даже в своих мыслях не доходил до варианта, что она, его Клава, сегодня с кем-то спит. Потом, всё же уснул на часок.

В то время, когда Юрий, законный муж Клавы, мысленно решал её судьбу, ту же проблему решал и Газиз. Он, мельком слышал между молодёжью, что Клава находится в деревне Чернушке, – но там ли она до сих пор? Конечно, он ещё хорошо помнит её кураж в его сторожке и стрельбу, ранение... Потому, размышлял так: Наверняка её муж,.. а может хахаль... И ему очень захотелось свести их лоб в лоб. Этим, он отомстит ей за всё. Потом и пол-пака денег не лишний. Считай так,.. на халяву. И хорошо будет, если её уберут отсюда. Черт знает что в её мозгах?.. Вдруг ещё явится и станет палить из пистолета. На хрена я связался с ней?.. И он стал вспоминать подробности той ночи на пляже "бобон". В конце своих воспоминаний подумал, – всё же хороша она и главное, как его она целовала, любила при воздействии зелья...

По восходу солнца Юрий был в Ваймасае. Забрал в машину Газиза и они вместе уехали по ухабистой дороге из бетонных плит в деревню Чернушку. Дорогой вели разговоры в основном деловые. Газиз немного успокоился.

Раненько они достигли деревни Чернушки, купили в ЧоП-

ке покушать. За одно, Юрий закинул словцо о Клаве и узнал почти случайно, от продавщицы Любки Макиной, место нахождения Клавы. Продавщица, выкручиваясь перед видными мужчинами, а толк в мужиках она знала, была, как говорят, – бой-баба, произнесла, – ...проедете прямо, потом направо, потом через мостик и через километров четыре, увидите дом и пасеку на хуторе Комарово. Она там,.. замужем за Сашкой Гвоздёвым,.. пасечник он.

Юрия словно ударили чем-то по голове... Он уже было раскрыл рот и хотел спросить, – как,.. замужем? Она ведь моя жена!.. Но вовремя закрыл его, и они вышли из магазина.

У машины, Газиз отказался дальше ехать, на его отказ Юрий корректно намекнул, – денег хрена... Тронулись. Жадность переборола опасность и слова предупреждения его когда-то Клавой. Пороховая гарь улетучилась, и рука зажила. Когда сели в машину, Юрий заблокировал дверь со стороны Газиза и тихо прошептал, – сиди и не рыпайся,.. я плачу тебе деньги. И конечно, как многие сегодняшние крутые предприниматели, про себя подумал, – хрен тебе!.. Дай только мне разобраться во всём.

Проскочили ветхий мостик через речушку, и спустя некоторое время Юрий остановил машину у дома, в тени, между растущих толстых лип. Почти рядом, справа, ровными рядами стояли ульи, а у самого крыльца дома,.. стирала чьё-то бельё его Клава. Такая красивая, и казалось близкая ему, в то же время чужая, далекая и недоступная.

От всего увиденного в его голове всё помутилось, он, наливаясь бешеной злобой, вышел из машины словно пьяный. Ко всему тому, что у них произошло после свадьбы,.. так сейчас ещё и замужем. Какой там замуж? Ведь она, на сегодня, его жена?.. Сука!.. Стирает... Кровь кинулась ему в голову, сердце заколотилось бешено. Он уже не владел собою. Дикая ревность закрутила в его голове мысли, наверно в другую сторону... поздно...

Сейчас он был похожий на плохо воспитанного маленького мальчика, у которого, такой же индивид ухитрился забрать его любимую игрушку, которую он любил и в то же время, всячески издевался над ней...

Клава, сначала, не придавала особого значения показавшейся машине на дороге, которая приближалась к их дому. К ним много, в лето, стали наведываться на пасеку за мёдом покупатели. Но потом, оторвавшись от стирки, когда машина скрипнула рядом тормозами, увидела, кто к ним пожаловал, охнула...

Узнав мужа Юрия, с искаженным от злобы лицом, Клава бросила из рук бело-голубую Сашкину тельняшку в ванну и развернувшись всем корпусом к пасеке, где у ближних ульев управлялся Сашка, сильно прокричала, – ...Саша-а-а,.. спаси-и-и!!!..

Вдруг она почувствовала, как чья-то рука захватила со спины на её голове волосы, и какая-то сила закрутила её вокруг, бросила на траву. Повернула голову и подняла свои гла-

за, она увидела рядом искаженное лицо своего мужа Юрия, который принялся как когда-то, бить её ногами. Она, на четвереньках, поползла к крыльцу дома, намереваясь добраться в дом. Удары следовали один за другим. Всё, конец, – подумала она... Всё же успела увидеть, как Сашка с налёта ударил Юрия, раз, другой и тот повалился у черного пластикового бампера своей машины.

Ничего не думая и не слушая их разборки, она, на четвереньках, стала карабкаться по ступеням крыльца. Тут же ощутила жгучую боль внизу живота и то, как по её ногам затеплилась кровь. Конец! – вновь как тогда... Господи, за что?! Сжала челюсти до хруста между зубов, на четвереньках добралась к открытой входной двери дома, ухватившись за неё руками, поднялась на ноги. В спину и внизу живота вновь ударила невыносимая боль, всё же она нашла в себе силы, вошла в дом, кинулась к своей сумочке, достала пистолет, и на ходу взводя его в боевое положение, опираясь рукою о стену и следя капельками крови по полу в доме, вышла на крыльцо.

В тот же час, услышала два выстрела и увидела, как её Саша, которого она любила больше своей жизни, упал на чуть пожелтевшую траву у ног Юрия, у которого был в руке пистолет. Всё это, как в кино, диким кадром промелькнуло у неё перед глазами. Больше ничего не думая, она взяла на прицел грудь мужа и выпустила в него из пистолета все патроны, тут же бросила его у крыльца. Юрий, хватаясь за ав-

томобиль руками, опустился возле его передка, успел подумать, как у себя дома, – ...а стреляет, она сучка, хорошо!.. И выронил из руки ещё дымящийся свой пистолет.

Клава, держась руками за перила крыльца, медленно ступая по ступеням, прошагала их, после чего, ступила на землю, и еле перебирая ногами, подошла к Сашке. Хотела нагнуться над ним, прижаться к нему, позвать его ласково, но вдруг услышала, как кто-то щелкнул дверкой автомобиля на месте водителя и выпрыгнул из него. Когда она подняла глаза, увидела испуганное лицо Газиза.

Её растерянность пропала и ей на смену, пришла каким-то стуктом холодная злоба. Ударил в мыслях один вопрос, – ...сколько ты, собака, будешь преследовать меня? В голове перемешалось всё – ненависть, любовь, смерть Саши. Казалось, только стоит убрать со своего пути этого ненавистного ей человека и всё станет на свои места. Она собрала в себе все последние силы, подняла с земли пистолет мужа и направила ствол на него. Газиз, опираясь о машину спиной, начал передвигаться к багажнику, не сводя из неё своих испуганных глаз.

Клава, побелевшими губами, прошептала, – ...я же тебя предупреждала... Сволочь!.. Раздался выстрел, но тот успел скрыться за машиной и побежал по дороге от дома, в направлении деревни Чернушки. Пуля лишь пробила кузов машины.

Клава, упёршись в изгиб в машине левою рукою, стала

посылать пулю за пулей ему вслед. Как она хотела поразить спину этого ненавистного ей человека, который, как ей казалось, был виновником всей её трагически сложившейся жизни. Хотя, во многом была и её вина... Тот, бежал как заяц большими прыжками, петляя со стороны в сторону, но на последнем её выстреле чуть подпрыгнул и упал в траву. Она вздохнула, задыхаясь, прижала руку к сердцу, в которое, как ей показалось, вонзились тысячи игл, и как после тяжелой работы еле передвигая ноги, опираясь ослабевшими руками о нагретую солнцем машину, дошла к недвижимому телу Сашки и бесчувственно упала ему на грудь. Рядом, лежал её мёртвый законный муж Юрий Нагибин.

*****

Бывший ветеринар на пенсии, Максим Кузьмич Зорин, что-то мурлыкая себе под нос, ехал на Гвоздёвскую пасеку за диким мёдом. Заболела у него внучка, похоже на ангину. Вот он и поехал к Гвоздёву на пасеку за мёдом. С ним он был знакомый и в хороших отношениях, рад был увидеться, поговорить о сегодняшнем положении дел в стране... Напевая сам для себя, сидя боком на дрожках, свесил ноги к земле, он почувствовал, как его лошадь сначала остановилась, а потом, фыркая, стала биться в оглоблях. Сначала он подумал, что лошадь ужалила пчела, но посмотрел вперёд и увидел в траве, возле дороги, человека, который лежал на спине раскинул в стороны руки. Ругаясь на лошадь, ворча постариковски, он спрыгнул с дрожек, подошел к лежавшему

человеку, присел возле него, нащупал пальцем на шее место пульса, понял – мёртвый.

Посмотрел дальше вперёд, увидел рядом с домом и машиной ещё лежащих недвижимо людей. Близко подъезжать к пасеке опасался, так как кобыла была потная, и пчелы могли напасть на неё, изжалить до смерти. Да и страшновато ему стало почему-то в этом глухом месте, вокруг стояла гробовая тишина, какой-то холод пополз по его спине. Не раздумывая, прыгнул в дрожки, развернув лошадь обратно и что силы нахлёстывая её, направился в Чернушку от этого, как ему показалось, страшного места.

Спустя два часа, к дому Сашке на пасеке, подъехала следственная группа полиции и две скорые помощи, в которых привезли и понятых из деревни. Проводя расследование: замеры, снятие на плёнку и осмотр места гибели людей, полицейские изредка перекидывались словами.

В следственной группе находился стажёр, молодой парень Костя Самойлов, который проходил практику, из школы полиции. На таком расследовании он был впервые.

Рассматривая трупы двух мужчин и женщину у машины, он постоянно вытирал носовым платком вспотевший свой лоб. Всё же, пересиливая в себе что-то подобие страха, произнёс, обращаясь к следователю, который рассматривал гильзы от двух марок пистолетов – ...товарищ майор, а женщина погибла уже после смерти этих двух мужчин. Майор посмотрел на него и спросил, – ...любопытно, почему ты так

решил?

Стажёр указал пальцем на трупы и ответил, – ...смотрите, она лежит на груди у одного мужчины, а чуть-чуть материала её халата прикрывают второго. Выходит, эти мужчины были уже мертвы в тот миг, когда она упала замертво. Её наверно пристрелил кто-то другой. Может быть тот, что убитый на дороге? Майор посмотрел на него и задал вопрос, – а кто тогда убил его?.. Видишь неувязка... По твоей гипотезе, тогда нужно искать ещё одно лицо или нескольких лиц, участников происшествия... Посмотрим... посмотрим,.. разберемся Костя. И как-то задумчиво произнёс, – ... нет ничего тайного, чтобы не стало явным...

К ним подошел судмедэксперт, он сначала приступил к осмотру женщины. Костя-стажёр, смотря на него, задал ему вопрос, – Валерий Силантьевич, а где находится пулевое отверстие, от которого скончалась женщина, вон, смотрите,.. ноги её в кровищи все. Судя по крови, пуля попала ей в живот. Так?

Судмедэксперт, не смотря на стажёра, в раздумье произнёс, – Костя, женщины, в отличие от мужчин, иногда умирают от того, от чего мужчинам никогда не умереть. Я думаю так, – и он присел на корточки у мёртвой, перевернул её на спину, – видишь стажёр, в области живота ран от огнестрела нет, а это значит,.. – он осторожно приоткрыл полу женского халата, продолжил, – она умерла от побоев или от того, что пережила большой стресс. Поэтому,.. у неё, произошел

выкидыш, или как говорят, срыв плода. Могла скончаться от потери крови, или от сердечного приступа. При вскрытии выясним. Потом, он прикрыл полою халата ноги женщины выше её колен, вытер руки кусочком бинта и поднялся на ноги. Вот так Костя-стажёр, век живи, век учись, как говорят люди, – ... дураком помрёшь, – произнёс Валерий Силантьевич.

В то время, подошедший к ним майор, обратился к двум полицейским, которые производили осмотр дома и вышли на крыльцо, – ну, что там у вас? Один из них ответил, – чисто,.. ничего подозрительного и в доме порядок, никаких следов борьбы. Имеются только капельки крови по свежewe-мытому полу, похоже на то, прошла эта женщина, и он кивнул подбородком на мёртвую Клаву.

Пожилой судмедэксперт, отвлѣкшись от всего, смотрел в задумчивости на три трупа у машины. За свою практику, он видел много мёртвых тел людей, но глядя сейчас на мёртвую, ещё красивую пока в своей земной красоте, женщину, можно сказать ещё девушку, которая проиграла, как видно, в смертной схватке бой со смертью. И, в последнем порыве в своей жизни, обнимала мужчину,.. понял, – любовь и ненависть к ней, свела этих мужчин на этом месте. Но пока молчал с выводом своего заключения по поводу ЧП, словно боясь обидеть чем-то мёртвую, которая подобно битой птицы, от рук охотника, упала замертво на грудь тому одному, которому она хотела принадлежать всю свою жизнь... М-м,..

да, – произнёс он, – печальный случай... Как говорят французы, – ... шерше ля фам... Ищите женщину...

Костя-стажёр, наконец, отвернулся от убитых кем-то людей и пошел к полицейскому УАЗику. Он вновь вытер смятым и сыроватым от пота носовым платком свой вспотевший лоб, потом провёл им по внутренней части околыша форменной фуражки и с грустью на лице, подумал, – ...какая красивая девушка?!.. За что они её так? После чего тяжело вздохнул, включил вмонтированную в машине магнито-лу, откуда послышались рвущие душу человека слова песни, – " ... А НА ТОМ БЕРЕГУ-У-У... ....Я ВПЕРВЫЕ ИСПИЛ ДИКИЙ МЁД С ТВОИХ ГУБ... ". Спустя несколько часов по времени, все машины уехали в направлении деревни Чернушки.

*****

Хоронили, Сашку и Клаву всей деревней, под липами, у дома на пасеке. Такое волеизъявление было родных Клавы. Сашка, оказался сиротой, бывший детдомовец.

Газиза и Юрия из морга забрали родственники.

А на второй день, после похорон, скончалась и бабушка Клавы, Екатерина Ивановна Строгова. Не вынесло её большое сердце такого горя и тоски по внучке.

Её дочь, Ольга Борисовна, попросила односельчан похоронить её у могил Сашки и Клавы.

Когда все люди разошлись после похорон старушки, у дома Сашки остался сидеть на крыльце старый дед, Иван Ми-

хевич. Мужики приглашали его поехать с ними на технике, обратно в деревню, как сильно старого по возрасту, но он не согласился, мотивируя тем, что потом заколотит окна в опустевшем Сашкином доме на пасеке, так и остался сидеть на ступенях крыльца, уронил голову на грудь, словно в глубоком раздумье перебирая всю свою жизнь. И наверно не только свою...

Когда все уехали из хутора, старик медленно поднялся на ноги, спустился по ступеням вниз и подойдя к могиле Екатерины Строговой, опустился на колени, и запрокинул к голубому летнему небу голову, поднял свои огромные ладони и словно боясь, что кто-то подслушает его слова, тихо произнёс, — ...прости меня Катюша и ты, Господи, прости нас с ней, за наши прелюбодеяния. И тут же, как-то неловко, повалился на свежий холмик её могилы... Так и ушла их обоюдная тайна с ними в могилу, после её и его смерти на Сашкиной пасеке у могилы той, которою он наверно когда-то беззаветно любил...

Когда его обнаружили мёртвого на пасеке, то, чтобы не возить его тело в деревню, похоронили для порядка в ряд с могилой старушки Строговой. Людей много не присутствовало, так, только могильщики и несколько человек из деревни Чернушки.

После этого, по счету четвёртого захоронения и шести смертей в целом на этом месте, народ в деревне зашумел, считая место пасеки гиблым местом и был вызван из Сык-

тывкара батюшка, который прочитал разные надлежащие, в таких случаях, моления на их могилах и освятил дом в котором жили совсем немного, но счастливо, Сашка и Клава.

Боясь смертных событий, прошедших почти одновременно на хуторе Комарово, в то лето, никто не ходил больше туда. Даже местные мужики не протянули своих рук к Сашкиной технике. Опасались они, как поговаривали старухи в Чернушке, каких-то проклятий. И техника, и пасека, остались без хозяина. Пчелы погибли в зимы от холодов и от варитоза, некоторые, разроившись, улетели в тайгу, остальные ульи разломали медведи, лакомясь мёдом.

Только на липах, у стенки тайги и у самого Сашкиного дома, всё ещё жили в колодах пчелы. Они иногда садились на осевшие и заросшие травой и цветами могилки, перелетая с цветка на цветок, словно разыскивая своего хозяина и всё так же, как и раньше, тянули в сохранившихся колодах, темно-желтые соты и запечатывали в них **ДИКИЙ МЁД...**